

Бетховенский классик

Михаил Плетнев сыграл еще две симфонии

Коммерсантъ - 2006 - 15 мая - с. 2-1

Музыку Бетховена Михаил Плетнев интерпретирует с почти театральной артистичностью, но без актерства ФОТО ДМИТРИЯ ЛЕКАЯ

В концертном зале «Орестрион» Российский национальный оркестр (РНО) с собственным руководителем Михаилом Плетневым за пультом представил очередную концерт цикла «Бетховенские академии». Мазетро Плетнев обогнал ВАРТУРОВОЙ задачу по выбору лучшего концерта заканчивающегося сезона.

Цикл «Бетховенские академии» Михаил Плетнев начал еще в ноябре и на данный момент представил пять вечеров с симфониями и фортепианными концертами. Нынешний, со Второй и Третьей симфониями, не последний: еще не сыграны Шестая, Седьмая и Девятая симфонии, Тройной концерт и Фантазия с хором. Другое дело, что превзойти себя Михаилу Васильевичу вряд ли удастся. Про такие концерты иначе как в восторженном духе говорить невозможно, но куда интереснее разобраться, из чего состоит успех. Первым ингредиентом, само собой, назовем музыку Бетховена, господи-

ну Плетневу всегда близкую. Венский классицизм, представленный в этих двух симфониях противоположным образом — легким и азартным во Второй и драматически накаленным в Третьей, — Михаилу Плетневу не близок быть не может, больше того — как пианист он как будто был специально выкован для этой музыки. Забавно, кстати, что династия педагогов вверх от Плетнева приведет ровно к Бетховену: Плетнев—Власенко—Флиер—Игумнов—Зилоти—Лист—Черни—Бетховен. Не стану, впрочем, утверждать, что эта лестница из гениев и есть объяснение тому, насколько Михаил Плетнев совершенен в Бетховене, самом противоречивом из венских классиков. Вся соль в сочетании несочетаемого: этот музыкант одновременно и скуп (к примеру, на внешние проявления эмоций), и щедр (на разнообразие этих эмоций в звуке, тембре). Он угрюм, но артистичен. Артистичен, но не пошло театрален. Он всегда вып-

глядит одинаково: уставшим, недовольным и вялым — и всегда играет по-разному.

Вторым ингредиентом можно счесть уровень игры оркестра, к концу сезона разывравшегося и не оставившего камня на камне от конкурентов, включая недавно громыхавший в Москве оркестр Мариинки. Струнные, бодрые и густые, азартные ударные, деревянные духовые, с внимательными и тонкими соло гобоя, медь, небезупречная, но все равно на голову выше медной группы любого из отечественных оркестров, — все оркестранты были, что называется, в ударе. Дело было не только в их профессионализме, но и в редчайшем ощущении заинтересованности в происходящем. Кто кого заразил — дирижер оркестрантов или они своего мрачного художника, непонятно, но и Михаил Плетнев вел себя при всех обычных достоинствах не то чтобы типично. Он показал оркестру и публике все, но не в простом дирижерском смысле, а скорее в каком-то киношном.

Его пластика была понятна до каждой мысли, как в хорошей пантомиме. Вот Бетховен злится, вот он воюет, весь мир против него, вот он молод, силен и сейчас всем покажет кузькину мать, вот он шутит и сам хочется над собственными остротами, вот он ленится и т. д. Это не означает, что дирижер, скажем, подмигивал, хмурил брови или как-нибудь еще заигрывал с оркестром или публикой. Театральность его не была внешним эффектом, она словно выплескивалась из музыки и одновременно наполняла эту музыку смыслом.

Этот концерт стал бы большой удачей для тех, кто не знает, с чего начать слушать классическую музыку. Он был как идеальный урок по музлитературе — познавательный, но без морализаторства, захватывающий, но весьма серьезный, безупречный, но не стерильный. Такой урок, после которого не нужно шпаргалок, его запоминать на всю жизнь.

Pletnev Mikhail

15.05.06